

Сухбат Афлатуни

Русский язык

Сухбат Афлатуни

РУССКИЙ ЯЗЫК

В ДВУХ КНИГАХ

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Афлатуни
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
А94

С. Афлатуни

А94 Русский язык. В двух книгах. / Сухбат Афлатуни. –
М.: Воймега, 2019. – 72 с.

ISBN 978-5-6041935-5-6

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

ISBN 978-5-6041935-5-6

© С. Афлатуни, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Книга первая

Конец истории

*русский язык
выпадает порой в виде снега
тёплого снега
на ветках кошках машинах*

*снова
солнце и пыль
тюркской хозяйственной речи*

* * *

вот и время снова на восток
варево календулы: жара:
в чайнике бродящее стекло
мятые кастрюли со двора
пальцем проведёшь и хорошо

вот и переехали сюда
вот и видишь на своих местах
вот хозяйский стол и рядом стул
лампа с пылью: зеркало в огне
в землю вылить этот чай давно

старость набухает как бутон
где-то у колена ночь герань
пыль на инструменте а потом
та война страдают пьют едят
и детей заводят октябрят

дверь не запирается на ключ
этот не подходит положи
ночь крошится светом что кулич
в пасху: перепрятаны ножи
два часа ищи и не найди

можно жить: другие и не так
есть бензин канистра в гараже
раскладушка с пледом кое-как
пробираться пижмой к букве Ж
а ещё цикорий да вот он

в двух шагах река сквозь лопухи
жирную черешню бычий глаз
выброшенный газовый баллон
лучше в сланцах можно босиком
не река но стоит пару раз

глиняные волны под ступнёй
хлюпает внезапная земля
осторожно могут быть стекло
и течение понесло тебя
сбоку охлаждается вино

воздух свалка звуков: со двора
музыка: машина вдоль реки
осы хором там где парварда
хорошо умчалась детвора
спят над шахматами старики

полотенце на боярышник
вечер дыма с кислым молоком
бросить мяты в заигравший чай
поддержать огонь под котелком
можно эти книги: ничего

диалектика и перехо
прочее пролистано огнём
вечер разливает молоко
медленно половником по дну
белое в ветвях над головой

за рекой ну хорошо ручьём
тёмное движение коров
возвращенье стада визг детей
пыль алмазным наплыла столбом
у тебя царапина на лбу

дали воду: с лопухов стучат
пахнет свежей глиной яблоком
старики ожили: ставит мат
а другой подходит за вином
от жары расплылся шоколад

старость что музей мадам тюссо
юность воск прозрачный горячо
подкачать на камне колесо
лампа в доме голое плечо
старенький ты мой велосипед

вертится кривое колесо
спицы режут всё быстрее закат
близнецы сходили рвать шалфей
и теперь довольные молчат
под шурпою тлеет диамат

вот и переехали сюда
вытрем пыль сообразим обед
если снова войны и чума
чуть задержимся а если нет
то до сентября до сентября

* * *

если я не смогу передать — грош цена мне я знаю
будет — если вот эту вот дрожь — проливная сырая
не сумеет строка ухватить — если чем-то в последний
отвлечётся момент — в облака бесполезно ныряя
чтобы жар заглушить в белой маечке маечке летней

или будет зима — рано поздно случится и двинет
чёрно-белым и мат мне поставит и сбросит фигуры
точно мёртвых солдат в шумный ящик где снег и забавы
только я не смогу — видишь тролли вокруг и лемуры
лотофаги и кролем шныряют псоглавцы псоглавцы

ну а сам-то кто будешь — я — я бублик от дырки
гордый номер на бирке да вылинял после стирки
наблюдатель за снегом клубящимся щедро в полёте
журналист позапрошлого века какой-нибудь шедо-ферроти

* * *

аудиокурс
русского языка
пробую на вкус
а-э-и-о-а

треснутый арбуз
холодноватый сок
я тебя боюсь
мой родной язык

* * *

человек помнит то что хочет помнить
напрасно разматывает клубок
не приведёт в оставленный дом нить
не возвратится медленный голубок
память как сказано выборочна в ней
как незримый сахар в бумажном стаканчике
тают женщина улица муравей
на поверхность всплывают мёртвые попугайчики
птицы в ней задерживаются но и
они всё прозрачней как тень от ливня
пустота только в небо дымят огни
я иду между ними это я я иду между ними

* * *

дух войны поселился в нём
дух немый и глухий
прежде чем напитать собой чернозём
он вычерчивает стихи

пахнет грязью грязь и потом пот
у него раскрыт от волненья рот
и от треска стигийских цикад
дух войны тает как рафинад

высыхает солнце на сапоге
на небритой щеке свет
карандашный огрызок в левой руке
он левша да и правой — нет

и уже почти нет ничего
кроме слова которое больше него
как сияющий аэростат
поднимается отражая свет
где твоя победа товарищ ад?
смерть так близко но смерти нет

* * *

1

Эпоха Сатурна. Приходит эпоха Сатурна.
И символ её борода, тяжела и скульптурна.
Под той бородою страна, под гипсовым снегом, светла, величава.
И время течёт, как слюна по щетине курчавой.

Эпоха Сатурна. Вы слышите танец Сатурна?
Танцует река подо льдом, тяжела и задорна.
Хрипит под асфальтом земля, смотрит в небо, ей дурно;
А в небе шуршат облака, словно хлопья попкорна.

2

А вот парк культуры. Тут люди культурны.
Использованные кондомы бросают в урны.
Эпоха на лица детей кладёт отпечаток
Чего-то нездешнего, генетических опечаток.

Есть свита у Диониса. А у Сатурна
Не свита, а вихрь снежинок, наверно.
Не две-три вакханки на кратере краснофигурном,
Но снег за спиною в движении нервном.

3

Как соотнести безвременье с суетою?
Тут что-то от женщины, ссутулившейся над плитою,
От варева, что помешивает для обеда,
И от сидящего рядом с ней воскового деда.

* * *

человек возрождения
эпохи вырождения
поднимает голову
опускает голову

сморгнул слезу стаи птички
в тучах цитаты неба
окурки внизу кавычками
из кучи торчат снега

на две опоздал эпохи
промахнулся на две страны
быстрые снежные блохи
снуют сквозь шерсть тишины

выгуливает собаку разума
на поводке усталости
по улице одноразовой
просроченной своей молодости

человек возрождения
тающее воскресение
ветвей длинное движение
снега ветром несение

* * *

и тут он начал и тут он так начал
а дальше не помнил вода и парковка
о чём-то своём бормотала подкорка
наверное спал: допоздна ведь левачил

а дальше

пушистого снега начало начало
и если два шага всего два-три шага
то можно и если на ветви и окна
то каждый в снегу пропадает и тает

— и тает —

и тает и видишь от ветра в ресницах
и холод в бровях только лужи больницы
плетенье из капельниц снег уходящий
и синий огонь возле девочки спящей

о чём-то

о прошлом сезоне в холодной и тёплой
лишь у батареи (щекой бы прижаться)
квартире напротив где с лестницы тёмной
в подъездную стену уходят остаться

в квартире

которая в том двухэтажном кирпичном
том сталинском и высокопотолочном

напротив решётки ты помнишь больничной
с арыком с табачной водой непроточной

в квартире

в которой опять это слово *которой*
но не избежать в темноте и кругами
домашнее тело за штопаной шторой
где вдруг каменеешь за стебель герани

чуть тронув

увидишь как там говорю в коридоре
напротив больничном остывшем как море
в слепом ноябре где из пятой палаты
каталка скрипит сквозь затычки из ваты

и пахнет

но запах из окон невидим он только
как пыль через свет бесполезной добавкой
просачивается сквозь стены карболкой
и вдруг по лицу сверху падает шапкой

там — люди

бывает в каком-нибудь теле туриста
не в городе штадте нет бурже заходишь
ты в полдень дождливый в огромный на быстро
сбор в темноту а на долго не хочешь

— звук ливня —

и тело тебя покидает по мере
движения к свету который моргает
вокруг алтаря где плывут иереи-
скалярии водоросли тьмы раздвигая

вот так же

он начал тогда в той квартире в том доме
где нет его больше а как разливался
а дальше не помнил в той самой не помнил
левачил как проклятый: проголодался —

* * *

ШБ
МНП
ЫМБШ
дальше ни бе ни ме
ни шиша

не видишь
напрасно тётка
тычет в прямоугольник света
морковь пропишут тебе на тёрке
уколы в глаза – попу – вены

потом начнут подбирать линзы
читай читаешь ШБ а ниже?

вижу только горящие буквы
в пламени только ЫМБШ вижу

Конец истории

история — значит родиться в рубашке
в саманном доме без газа света
а кончить жизнь в девятиэтажке
на Алгоритме* или ещё где-то
история — это подтираться
сухой глиною в детстве
дожить пройдя эпоху газеты
до рулонов с перфорацией
и туалета
история — это начав с ишака
которого приходилось калошей калошей
пересесть на трамвай до Рабгородка
набитый потом на метро позже
на жигули нексию за рулём
внучка: всё — история — он её в школе и
потом в вузе райисполком
выше не вышел такая история
история — это движение от
детских рёбрышек сквозь смуглую кожу
к седым зарослям увившим живот
как виноград соседскую лоджию
это — история и можно спокойно
спать но недавно прочёл в науке
история кончилась открыл какой-то
американец лучше бы в руки
не попадалось *история кончена*
смотрит на внуков как же внуки

* Спальный район в Ташкенте.

правнуки — как же она так — он помнит
старый саманный и катышки глины
их ишака умный был разбойник
и как первую трамвайную линию
гравий как туда всей улицей сыпали
и сквозь гравий горел одуванчик
пуговицей золотой на кителе
это вот кончилось кончилось значит?
ошибается американец
сам-то не родился в самане
печку зимой не топил киззяками
в Рабгородок не давился в трамвае
не ищет в тумбочке валидола
после этой статьи или помнит он
как фатиху: *нас води-ила молодость*
в сабельный скорей-скорей за тонометром
история — это жить быть убеждённым
в девятиэтажке нагретой до степени ада
что история — не утешение побеждённых
а внуки и правнуки испуганно вставшие рядом

* * *

здесь нет тишины и покоя
здесь что-то другое

проснёшься и на балкон
на плитках
рассыпанный попкорн
бликов

столько воздуха и всё мне
света и всё одному
стою в одной штанине
думаю о войне почему

банка с водой
бетон и воздух под голой ногой

кнопка истории выключена
но всё-таки будет война

дойче велле

как просторна вода

*поплывёшь налево
встретишь жизнь и царство*

*а если направо
тоже наверное
или что-то другое*

*всё это рыбы
всё это только рыбы*

немец выходит из тумана
или туман выходит из немца
сразу не видишь: если увидишь
вспомнишь погасшую тень от дивана
руки опять же

руки как реки текут в темноту
выйди мой немец с туманом во рту

нет всё не так: не немец выходит
месяц выходит: немец уходит
немец уходит и снова выходит
гасит свечу затуманенным ртом
ночь (говорит)

ночь ремонтирует память
чистит до блеска сна медь

сад ледяного ветра
сад недопитого морса
сад оставленной книги
в левом углу скамейки
мокрой гнилой скамейки
скамейки с мокрой газетой

сад опустевших кустов
сад опустевших деревьев
сад опустевших цветов
сад человека
как отсутствия человека
как *был* и *ушёл*

сад шороха полиэтилена
сад памяти о детском велосипеде
сад пифагорейских чисел
сад следа на яблонево́й ветке
от гамака

сад изгнания
сад потери
только иногда кто-то приходит
стоит на пороге курит
соседи это видят
видят но молчат

итак он всё ещё выходит
всё ещё выходит из тумана

но туман его не отпускает
но туман за ним по крышам ходит
по листве и капает из крана

немец (говорит) теперь ты немец
зигфрид (говорит) теперь ты зигфрид

на тебе тевтонская кольчуга
под астигматической луной
всё двоится светит ветер с юга
воздух пахнет пивом и сосной

женщина в переднике ест сено
трёт черепообразное колено

он выходит к морю
и медленно раздевается

море мокрых булыжников
море йода и чего-то скользкого
море чёрной глубины
море утопленников и жёлтой луны
ещё не взошедшей лежит перед ним

он стягивает свитер
бросает на камни

море набегаёт
отбегает море
море набегаёт
отбегает море

мерой набегаёт
мерой отбегает
как ледяное пламя

теперь и джинсы
рядом со свитером

их замечает песком но брызги
не долетают до них

море невидимых кораблей
их парусов и заросших тиной винтов
море глубоководных чертей
их колеблющихся изумрудных усов

море податливых женщин пляжа
с запахом крема от загара
и свежеекрашенных ногтей
море пятнистого камуфляжа
море приёма стеклотары
море поющих матерей и отцов и детей

он
раздетый до одной души
голой и сверкающей
плывёт по нему
по-собачьи

он немец

его отец был немцем
и мать была немкой

немцем был дед со стороны отца
немцем был дед со стороны матери

немкой была бабка со стороны отца
и бабка со стороны матери

хохотушка
которую он помнит хорошо
тоже была немкой

в довершении всего он похож на немца
только посмотрите на его кожу
на его рот на его уши на овал лица
на руки и особенно ладони
на спину локти колени
на зубы когда он смеётся
и на струю когда он мочится
двух мнений быть не может

если ещё сомневаетесь
то знайте: он любит немецкую музыку
Шуберт Гайдн и Вагнер
он любит немецкую кухню
жареные сосиски с картофелем
он любит немецкие машины
Ауди BMW и Даймлер
и всю немецкую литературу
с Фаустом и Мефистофелем

и всю немецкую культуру
всю немецкую Европу
всю немецкую Землю
всю немецкую Вселенную
сотворённую Немецким Богом
по новейшим Немецким Технологиям

но что-то с ним происходит
что-то с ним случилось

с каждым днём он всё меньше немец
он чувствует как это вытекает из него
как вода как туман

как ломаются шпильки его внутренней готики
как зубцы у расчёски
как беззубая расчёска
касается его лысеющей
потерявшей свою немецкость головы

он вылезает из воды
он ищет махровое полотенце но полотенца нет
наверное унесло ветром

он ищет джинсы свитер майку и мокасины
но ни джинсов ни свитера ни майки ни мокасин нет
наверное тоже унесло ветром

он бродит по берегу
приседая и похлопывая себя по бёдрам

он ищет дорогу обратно
но дороги обратно нет
её унесло ветром

потому что дом к которому она ведёт
где он оставил
включённый ноутбук
и спящую женщину
этого тоже нет
всё это где-то летит
или уже упало

он хватается ладонью за скалы
надеясь что они останутся с ним
но они взлетают как воздушные шары
и тянут вверх за собою море

и тогда он говорит:
Господи, как я был неправ...

дом море и сад
сад и море и дом
и море и дом и сад

если вытянуть что-то одно
то всё рушится: в небе огонь
по земле скачет всадник-плач
заползает туман в окно
и траву золотит бедой

и задержится только любовь
будет нищее вить гнездо

сад разрушен как дрезден и кёльн
как названья поволжских сёл
в нём дрозды не поют свой зонг
только тени плетут венки
в нём цветы не раскроют свой блюм
только море вгрызается в трюм

Зигфрид Карл Теодор Иван
два Василия (первый сын)
это стелется дым туман
и обугливается апельсин
солнца: здешней неяркой звезды

но главное всё-таки плыть

*горизонт так близко
что можно потрогать губами*

*и с рыбацких лодок уже замечают его: дорогую сероглазую рыбу
рыбу мужества и тоски
рыбу пустоты и ветра: предвечерней германии и медленной россии
и прочих царств земных: рыбу идущую на нерест отяжелевшую
от полупрозрачных слов*

*как сказал бы Майстер Экхарт
(он ничего не сказал)
как сказал бы Мартин Лютер
(он ничего не сказал)*

*ловцы рыб становятся ловцами человекoв
значит человек должен стать рыбой
прежде чем снова выйти из моря
и претерпевая все ступени эволюции
дойти до оставленного полотенца
и до оставленной обуви*

*до костра между соснами
до взгляда на солнце*

* * *

какое-то чёрное дерево
похоже на жёлтое зарево
ложится мне под ноги тень его
и листьев холодное варево

ложится мне под ноги ветрено
короткими перебежками
и по небу чиркает ветками
как спичками череповецкими

всё чирк да чирк только не высечет
ни слова из мокрого зыбкого
напрасное дело шепчу ему

а дерево мокнет и высится
и падают с веток мичурины
всю ночь тоже мокнут и высятся

* * *

долгий семидесятый год
столетье Ильича
дымит чирчикский химзавод
в церкви горит свеча

а во дворе накрывают стол
и разливают чай
наполняют ведро водой
чтобы побрызгать двор

ещё меня нет во дворе
да и на свете нет
вода качается в ведре
и отражает свет

* * *

тяжёлые твои шаги
я помню с детства с детства помню
твои шаги

летают галки нет скворцы
шумят деревья крыши окна
закрой и спи

сломался кран! сломался кран!
вода всю ночь я слышу помню
огромный кран

ну что ещё уже светло
теперь рука на одеяле
темна

чайники в мамином стакане
оставь я говорю поставь
чужая кровь

течёт из крана из окна
и шваброй задвигают тюль
многоэтажный дождь

навстречу зеркало дрожит
забилась пылью говорил же
отец

ну вот и завтрак тишина
шумит как сердце в чашке кофе
глоток глоток

и если здесь ещё прожить
день месяц год нет полстолетья
то можно и

Январские катрены

1

Война богов окончена. Лишь мёртвым
осталось двигаться среди мертвецов
и собирать их звонкие тела,
как стеклотару.

2

Выйдешь с утра на поле боя
и дышишь белым. Только птицы.
Но они не в счёт. И ты. Но ты —
тем более.

3

Зима похожа на районную больницу.
Такой же запах, цвет, шаги.
.....
Камень головы — на дно.

4

Война богов окончена. Счёт
2:1. Ничья.
Выйдешь в тишину — на крыше
вспотевший снеговик.

5

Скользят подошвы. Падают
осколки небожителей. Тук. Тук. Ребёнок
расплющил нос в стекло и губы.
Вылитый дед.

6

На поле боя женщины, бомжи.
Дымятся рты. Трамвай
проносит, как стакан с водой,
расплёскивая на остановках.

7

Стоишь в пальто на босо тело.
Гляди, разбрасывают соль.
Последних павших увезли вчера. Вечер
разглядыванья марок. Смех сквозь подушку.

8

Земля имеет форму
винилового диска. Ставишь
на тридцать три тягучих оборота:
Зиииииммааа...

9

Ребёнок ловит языком снежинки.
Война богов окончена. В Египте
от тишины остановились волны.
Зачем. Пуст небесный кляссер.

10

Надышан, как окно в Европу,
январь оброс седым укропом.
На ощупь во дворе в морозы
до сумерек ждёшь рифму. Заходишь.

11

Война богов окончена. Сёстры, тёти-оли
под шум снегоуборочной страды
сеют соль — семена ночных красавиц, липового чая.
Последний снежный человек лезет на женщину,
она терпит, «всё равно растает, дурак»,
кричу: *не надо!*

12

Вот и ещё день прошёл.

* * *

не осталось слов песок
перетёк ш-ш в ту что ниже
белый в лампе волосок
пожелтел и еле дышит

всем отбой черствеет хлеб
надо всё в пакет какой-то
долго ищешь плед плед плед
руку там пошарь под койку

а в окне где не гляди
двор и яблоня седая
и вода из крана кап

щёлкнет выключатель и
.....
и движение песка

* * *

смерть страшна только на первый взгляд
потому что второго нет
помнишь мы спорили есть ли ад
ты говорил есть

он похож на кухню когда с работ
со всех возвращалась мать
маргарин был сволочь плевал урод
всем да на неё наплевать

а ты сам был котлетами на сковороде
но не умел плевать
потом они обжигали во рте
во рту поправляла мать

после ужина шли смотреть ОРТ
и забывали про ад

а я возражал что ад есть пустой
термин равный нулю
и надо думать о жизни как писал Л. Толстой
которого я не люблю

Книга вторая

НОВЫЕ СТИХИ О ЛЮБВИ

*ладонь это тоже лицо
одни пальцы – нос
другие – уши губы*

вот только глаз нет

*даже при солнечном свете
моя ладонь находит твою
только на ощупь*

* * *

лицо возникает из капель
глядеть если долго
в забрызганный кафель
вот губы
вот чёлка

или скажем на подоконник
наносит снежинки
из них возникает такое
и носик с горбинкой

так ночью под красною лампой
макал в проявитель
на слабоконтрастной
внезапно
лицо твоё видел

* * *

покуда третьей мировую
не пахнет в воздухе войной
и ты стоишь ещё живая
и рядом я ещё живой

и снятой впопыхах одежды
темнеет ворох на свету
и запахом бомбоубежищ
крысиным не пропахла ты —

так хорошо
всего так много
огромный день густой как мёд
пока воздушная тревога
с небес осенних не поёт

* * *

Как молиться за самоубийцу?
Никак. Свечу воткнёшь —
гаснет. Начнёшь молиться —
язык — как под лидокаином.

А она молилась.

Обманывала батюшек,
заказывала за упокой.
Каялась на исповеди, что вот...
И снова — за прежнее.

Язык замерзал. Гасла свечка.
С верхней полки
падала его карточка.
Она выметала осколки.

Сама придумала молитву
на мотив известного романса:

«Господи, прости его,
Он умер от любви!

Так любил меня, что силы нет,
И погиб в крови».

Помнила его голос.
Помнила вкус его губ,
запах его джинсовой куртки.

Помнила его стишки,
хотя они ей не нравились:

*Он целовал, она терпела –
плела венок и песню пела.*

*Венок был из крапивы. Песня –
нечеловеческая, песья.*

* * *

птицы не хотят умирать
какой холодный день
вот она идёт кормить птиц
скорлупа ледяных облаков
желток заката

как бы это перевести? как бы это
скопировать на холодную мову
засохшую мальву лета
торопливую трапезу ветра

горячие горячие живые
движенья птиц

она стоит и кормит
в платке
кругом вырастают и гаснут
хлеб в полёте

небо покрывается трещинами (ветви)
улицы наполняются движением (фары)
птицы удлиняются (флейты)
как бы это перевести
никак никак

Дом женщин

*

желанья исполняются когда
уже не ожидаешь исполнения
течёт обыкновенная вода
как в той буддийской песне про мгновения

она полдня забить пыталась гвоздь
разбила палец пососала рану
всё ровно через тридцать лет сбылось —
и гвоздь торчит и не течёт из крана

*

ходила в церковь как положено
поклоны била свечи жгла
для внуков жарила творожники
а раньше молодой была

и где теперь иконы — ранее
к обоям кнопались битлы
но не забыла в завещании
похоронить под *Let it be*

*

когда её ударили она
терпела и потом терпела

во рту скопилась горькая слюна
хотела плюнуть в гада — не сумела

аборт не стала делать — тяжело
донашивала сессию сдавала
а родила и стало так светло
и снег на землю лёг как покрывало

*

главное праздники — остальное
можно там как-нибудь
помассирует сердце больное
стиснет левую грудь

выдраит всё и уснёт на кухне
тёплой щекою в стол
сын как вернётся с порога рухнет
так ведь — на чистый пол

*

яблоко с табачным привкусом
приоткрытое окно
серый кот шуршащий вискасом
хочешь счастья — вот оно

но не видит зверя серого
пепел рядом кожуру
голая стоит у зеркала
водит пальцем по стеклу

*

да мусульманка — лицо
тысяча и одна ночь
девочка входит с птенцом
это сестрёнка — нет дочь

тебе не холодно — нет
мёрзнет и гладит птенца
завтра нам будет шесть лет
ливню не видно конца

*

оса зазимовавшая в герани
обычная ташкентская оса
под ней рисует девочка в тетради
глаза и губы и опять глаза

оса умрёт герань засохнет летом
ташкентским летом высохнуть легко
тетрадь с глазами девочка под пледом
кровавый след на скомканных трико

*

по старой памяти хвалили
кого чего зачем когда
и воду медленную лили
там до сих пор течёт вода

она стоит и не моргает
косичка вязаный берет

и свет над ней не угасает
там до сих пор вода и свет

*

жена да убоится убоялась
да так что двадцать лет прошло
двадцать один а все боялась
его портрет был забран под стекло

у нас всё хорошо ему писала
вчера был Сеня это старший сын
прислушивалась к шороху из зала
рука выныривала из-под одеяла
и шарилась во тьме валокордин

* * *

смерть это тот с кем ты живёшь
жизнь это он же — но минутой раньше

Оставь шитьё и подойди ко мне

ребёнок держит свет в своей руке
и входит в дверь и поднимает нож
кладёт на стол кладёт на стол и дальше

Не сумерки но сумки (хлопнет дверь)

ты вся в шитье и ты сама — шитьё
материя болгарский крест рутина
под языком ты нежно держишь сына
и дочь за округлившейся щекой

он поднимает свет одной рукой
но сумерки но дверь но половина

Заявление

меня убивает женщина
анна сергеевна тулупова
рост метр семьдесят два
блондинка

каждое утро эта женщина
вышеназванная анна сергеевна
ходит по моей комнате
трогает вещи

просыпаюсь в анну сергеевну
открываю глаза в анну сергеевну
встаю в анну сергеевну
в её спину и руки

её спину тоже зовут анна сергеевна
и руку анна сергеевна
и вся она анна сергеевна
даже больше чем вся

всё что она держит и ест
всё что роняет и обо что трётся
всё это анна сергеевна
я просыпаюсь в это

заметив что я проснулся
она наливает в чашку
свою кипячёную молодость
и подносит к моим губам

делает это без упрёка
даже с какой-то жалостью
не теряя достоинства
не снимая тапок

она говорит: выпей
это тебе полезно
она говорит: блин
ты опять проснулся в меня

усни от меня обратно
разведись с моей грудью глазами
выпишись из подсознания
будь ну хоть раз мужиком

и я становлюсь мужиком
я обрастаю шерстью
у меня режутся бивни
я забиваю гвоздь

забиваю в анну сергеевну
а она молчит и только
покрывается местами кафелем
и крючками для полотенец

и я понимаю насколько
у нас с ней всё серьёзно
что любовь как вырывание зуба
но только в хорошем смысле

и тогда на анне сергеевне
начинает отрастать корона
и придёт какое-то время
ей стричься под Шинейд О'Коннор

и я понимаю что это
то без чего жизнь
была бы полярной ночью
куриной слепотой спящего
считающего на ощупь секунды
до восхода анны
сергеевны тулуповой

* * *

человек вернулся из ада
его окружает толпа
одни говорят: не надо
другие просто молчат

а он идёт и не видит
маленький и сухой
за вдохом следует выдох
молчание снова вдох

никто не спрашивает: как там
ждут что расскажет сам
надо только товарищи
с дороги ему отдохнуть

его подводят к дому
в котором он раньше жил
женщина двор поливает
трудно её узнать

он всё идёт и не помнит
садится снимает носки
под ним прогибается койка
вдох он сжимает виски

женщина двор поливает
заливает с чуть слышным шипением
огненные языки

* * *

начинается с мягкой эл
податливой как школьный мел
этот мел я тайком ел
открой рот

а потом эта страшная ю
это плачу мелом блюю
это синее слово *люблю*
пар изо рта

это эл это ю это бэ
и так далее — на губе
крошки мела — иди к себе
уже поздно

Падение Исмаила

я Исмаил я просто Исмаил
я мало жил я очень бедно жил
я мясо ел я мало мяса ел
я мало жил и хорошо болел
я мясом был и костью тоже был
бараном был когда барана ел
и солнцем был когда барана ел
тогда во мне родился Исмаил
я Исмаил и он был Исмаил
и солнце было тоже Исмаил
у бензобака он меня убил
присел как будто доктор надо мной
интересуется живой я не живой
а я хочу сказать я — Исмаил
я мало солнца ел и мало пил
теперь ты будешь дальше Исмаил
ты женщину нечаянно убил
ведь я собакой был я солнцем был

не нужно просить о помощи
у комнаты

в ней под обоями — клейкое время

пока свет побеждает в западном полушарии —
у нас ночь: время читать себя

*с детства не люблю колыбельные
ведь их пели для того*

*чтобы я скорее заснул а они могли
заниматься тем что мне не нравилось
хотя без этого
не было бы жизни и меня
или я был другим
Исмаилом*

Исмаил рождается
отводится в школу
сдаётся в продлёнку
влезает в шкуру
ребёнка

Как тебя зовут, Исмаил?
Исмаил
А твою мать как зовут, Исмаил?
Исмаил
Но ведь это не женское имя — Исмаил!
*Да, но мать так меня любила,
что назвала себя в мою честь
(это — правда)*

включили Исмаила — он запел
потом выключили — он заснул
снова включили — он в кресло сел
выключили — пересел на стул

включили — а он в трусах и ногти стрижёт
выключили — а он всё равно их стрижёт
переключили — он машет как дирижёр
напротив сидит бабушка и песню поёт

выключили — а ему уже двадцать шесть
у него двадцать пальцев и двадцать любимых блюд
включили — он начинает их есть
он всегда съедает то что ему дают

а бабушка всё поёт только в земле
и без звука — завещала внуку весь свой звук
а Исмаил всё стрижёт ногти думая что не включён
смеясь чистит картофель и плача чистит лук

страшно идти по улице —
вокруг так много женщин
которым никогда не говорили:
я готов умереть за тебя

в западном полушарии тьма
у нас непонятно что
у Исмаила родилось сердце
похожее на горячий помидор

страшно идти по улице —
вокруг так много мужчин
которые никогда не говорили:
я готов умереть за тебя

и всё это не в другом полушарии
а прямо у нас под носом
и от этого лица восточной национальности
пользуются повышенным спросом

слабо владея русским
они ухитряются сказать слова

которые мужчины прекрасно
владеющие этим языком
скажут чёрта с два

ведь я собакой был я словом был
я женщинам мужское говорил
и солнце было тоже Исмаил
и я родился в нём и в нём ходил
курил как дети
кровь как колу пил
потом я вышел из его ребра
а он сказал что я его убил
что он теперь огромная дыра
в которой тихо плещется бензин
короче то что он теперь один
у бензобака я присел над ним
и говорю: давай поговорим
ты Исмаил я тоже Исмаил
я женщину нечаянно убил
(это — правда)

* * *

икота делает из человека
воздушный инструмент
разваливающейся телегой
ползёт речь

женщина не дослушав
уходит стирать
накрывает ухо подушкой:
приятных снов

а он всё правит телегой
своих слов
по горам вождения
не сняв кальсон

* * *

тренинг по безопасному сексу
на улице дождь эпидемия СПИДА
дехане молчат — берём огурец
натягиваем на него презерватив
вот та-ак
понятно? понятно
ничего смешного никто и не смеётся
всем хочется жить белить деревья
подрезать виноград лежать на айване и чтобы
кто-то гладил твои уставшие за целую жизнь ноги
и чтобы дети знали раз я сказал значит всё
но при чём здесь презерватив
и при чём здесь огурец?
ежегодно в республике заболевают тысячи
руки пахнут смазкой как после близости
тренинг окончен
все смотрят на огурец
понятно? понятно
ничего не понятно

* * *

М. Г.

у него было десять отцов
удалых молодцов

говорила ему пенелопа-мать:
*негоже десятерых папами называть
пора выбирать*

*твой родной в миграции трудовой
чтоб он подавился этой своей москвой
может и он не твой*

отвечал ей сын:
*мне бар-быр мол всё равно
выбирай сама с кем тебе веселей на дно
если строго по фрейду я бы всех их передушил
только кто мне будет дарить книжки-карандаши?*

а в дверях уже тук-тук трудовой мигрант
заработал баксов сундук но им не рад
на казахско-узбекской границе его трясли
смуглолицый в глазах у него нули

и хозяйка скажет: *гой еси трудовой мигрант
что стоишь невесел как чёрный квадрат?
на моей тахте и для тебя найдётся сантиметра два
расскажи ну как там твоя москва*

*не гляди что много тут этих и накурено недохнуть
ты забрось свои сети в мою средиземную ртуть
ложись говорю отдохнуть*

что дальше будет не знает никто
может кровь прольётся яркая как в кино
женихов может будет он в сортире мочить
или на хрен помилует чтобы было с кем море пить

или ляжет на мрамор — кавказское смуглолицо
то жена его — мрамор — кипящий в руках как яйцо
ему снятся менты и границы и мальчик в рентгене яйца
кто горит сквозь ресницы — и кто отомстит за отца

* * *

ты вот что ты со мной поговори
пока ты у меня вот здесь внутри
пока моя межрёберная тьма
твой свет река подножие холма
пока ты не родился то есть не
не знаю верный подыскать глагол
нет не могу но ты пока во мне
к реке спустился и теперь на холм
остановись пускай трещат
кузнечики и саранча
поправь очки и погляди назад
опять не знаю даже как начать
пока ты не или ещё пока
я не исчез и не родился ты
и не исчез родиться не успею
поговорим пока течёт река
как лодку без гребца качая свет
там в дымке там граница там — река

* * *

счастье это когда головная боль
отпускает
когда разбухает фасоль
и по комнате муха летает

счастье это открываешь кран
а воды нет и бог с ним
потому что в столовую въехал диван
и на нём уже гости

что-то едят пьют говорят
умершая женщина вносит салат
о! селёдка под шубой

светла адмиралтейская игла
в районе лба
и к ней прикасаются губы

Содержание

Книга первая. Конец истории

«русский язык...»	5
«вот и время снова на восток...»	7
«если я не смогу передать...»	10
«аудиокурс...»	11
«человек помнит то что хочет помнить...»	12
«дух войны поселился в нём...»	13
«Эпоха Сатурна...»	14
«человек возрождения...»	16
«и тут он начал и тут он так начал...»	17
«ШБ...»	20
Конец истории	21
«здесь нет тишины и покоя...»	23
дойче велле	24
«какое-то чёрное дерево...»	32
«долгий семидесятый год...»	33
«тяжёлые твои шаги...»	34
Январские катрены	36
«не осталось слов песок...»	39
«смерть страшна только на первый взгляд...»	40

Книга вторая. Новые стихи о любви

«ладонь это тоже лицо...»	43
«лицо возникает из капель...»	45
«покуда третьей мировую...»	46
«Как молиться за самоубийцу...»	47
«птицы не хотят умирать...»	49
Дом женщин	50

«смерть это тот с кем ты живёшь...»	54
Заявление	55
«человек вернулся из ада...»	58
«начинается с мягкой эл...»	59
Падение Исаила	60
«икота делает из человека...»	64
«тренинг по безопасному сексу...»	65
«у него было десять отцов...»	66
«ты вот что ты со мной поговори...»	68
«счастье это когда головная боль...»	69

Сухбат Афлатуни. Русский язык. В двух книгах

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 4.02.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4,5
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6041935-5-6

9 785604 193556

Лирика Сухбата Афлатуни поражает точностью и изяществом образа.

Елена Холмогорова («Знамя»)

Всё это в наличии у Афлатуни <...> — от «западного» минимализма до «восточной» избыточности. Очень индивидуальная палитра, запоминающаяся читателю.

Дмитрий Тонконогов («Арион»)

...Речь то проявляется, то уходит в молчание, как будто поэт вычёркивает целые куски и главы, которые могли бы объяснить происходящее, — он почему-то убеждён, что ничего объяснять не надо. И возможно, он прав.

Владимир Губайловский («Новый мир»)

ISBN 978-5-6041935-5-6

9 785604 193556